

Старые, но нестареющие строки Симонова:

*Тринадцать лет. Кино
 в Рязани.
 Тапер с измученной
 душой,
 а на заштопанном экране
 страдания женщины чужой.
 ...Я мог, как могут лишь
 мальчишки,
 из зала прыгнуть в полотно.*

Да, мы все это умели в детстве. Конечно, лишь в воображении. Мог ли я тогда представить, что когда-нибудь мне это удастся в зрелости, и не в воображении, а на самом деле? Году, кажется, в сорок седьмом я прочел в «Вечерке» объявление, что нужны мальчишки для главной роли в фильме «Пятнадцатилетний капитан». Наутро вместо школы я отправился на киностудию. Длинная очередь юных кандидатов в капитаны с восторгом и ужасом смотрела на обитую дерматином дверь с надписью «Помреж», откуда доносились, примерно, такие крики: «Сыграй благородный гнев! Ты что, русского языка не понимаешь? Ну что ты мнешься! Господи, что за мямли в наших школах!»

Из двери как ошпаренные выскакивали неполучившиеся капитаны с красными пятнами позора на щеках. Существо по имени «помреж» рисовалось мне чем-то мохнатым, всклокоченным, огромным, с черным дымом из пасти. Когда я открыл дверь с ручкой, влажной от вспотевших ладоней кандидатов, я увидел комнату, показавшуюся мне сначала пустой, и только потом я заметил крошечного человечка с галстуком, съехавшим набок, сидящего на краю стола. Глаза у него были безумные, безнадёжные. Казалось, он вот-вот упадет со стола и уже никогда не встанет: настолько он измотанно выглядел. «Ну...», — сказал он с тихим отчаянием, даже не глядя на меня.

Я, устремив вытаращенными глазами, что было сил заорал стихотворение Суркова «Горе вам, матери Одера, Эльбы и Рейна, не возвратятся с востока в свадебный день сыновья...». Он изумленно поднял на меня глаза и в некотором страхе отодвинулся от меня подальше. Потом он простонал: «Мальчик, а ты не помнишь чего-нибудь попроще? Ну, басню, скажем...» — «Я не люблю басен...», — ответил я твердо, настроившись на «благородный гнев». «Иди, мальчик, иди...» — почти умоляюще прошептал он, — твой гнев слишком благороден. Ты меня пугаешь, мальчик». Пятнадцатилетнего капитана сыграл Сева Ларионов, ставший затем известным артистом.

Ровно через тридцать лет мне позвонили с киностудии «Мосфильм»: «Говорит помреж Чикирева...»

При слове «помреж» во мне сразу воскресло воспоминание о моем бесславном поражении. «Кулиш снимает фильм о Циолковском... Хотите попробовать?» Я что-то промычал. Помимо печальной реакции на слово «помреж», у меня был и горький осадок от двух других неудавшихся попыток сняться в фильме Пазолини «Евангелие от Матфея» и в фильме Рязанова «Сирано де Бержерак».

Вторая история описана Рязановым в его книге «Грустное лицо комедии». «Но я не похож на Циолковского...», — сказал я Чикиревой. «А вот и неправда», — ответила Чикирева. — Мой муж — пример нашей группы. Недавно мы смотрели по телевизору вечер советской поэзии, и когда вы читали «Ярмарку в Симбирске», мы в один голос сказали — это же Циолковский... Приходите завтра...» Я принял это не особенно всерьез, но все же пришел. И тут-то в гримерной произошла встреча, которая что-то перевернула в моей душе и заставила меня, как выражаются, «предельно мобилизоваться». Рядом со мной в кресле перед зеркалом сидел бывший мальчик Сева Ларионов, на лацкане которого был депутатский

**ПОЛНОМЕТРАЖНЫЙ
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ФИЛЬМ**

«Взлет»

«Мосфильм». Сценарий О. Осетинского. Режиссер С. Кулиш. Оператор В. Климов. Художник В. Аронин. Композитор О. Каравайчук.

В ролях: Евг. Евтушенко, Л. Кадочникова, А. Филозов, Е. Финогеева, К. Арбузов, В. Александров, Г. Бурков, В. Эренберг, О. Барнет, С. Насибов, И. Унгурияну, В. Седов.

Евгений ЕВТУШЕНКО

«ИЗ ЗАЛА ПРЫГНУТЬ В ПОЛОТНО»

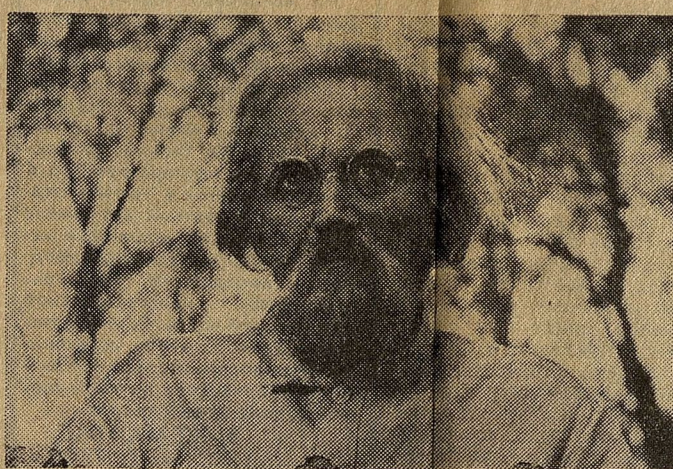
значок из реквизита. Судя по его виду, он, видимо, играл в каком-то фильме министра или секретаря обкома. Сложный путь от пятнадцатилетнего капитана. Он узнал меня как поэта Евтушенко, но, конечно, не узнал как своего давнего незадачливого соперника. Снова потерпеть поражение в присутствии Севы Ларионова я уже не мог.

Под руками Михаила Сергеевича Чикирева рождалось мое другое лицо. Из зеркала на меня взглянул совсем незнакомый человек. Он еще не был Циолковским, но уже не был мной. Вошел Савва Кулиш, как бы случайно. У нас с ним были самые теплые, дружеские отношения лет двадцать, и ему поэтому было психологически трудно «пробовать» меня. Не зря Галина Даниловна Чикирева звонила мне не от его имени, а от своего. Специфический кинотакт. В актерской среде после неудачных «проб» бываю не только личные обиды, но и глубокие, неизлечимые травмы. Но Кулиш не выдержал роли случайного посетителя — он изумленно взглядылся в мое новое лицо, и в глазах его сверкнули жадные профессиональные огоньки. От наигранной индифферентности не осталось и следа. «На фотопробу, — сказал он быстро и жестко, — а завтра будем репетировать».

Но завтра репетиции не было — была лекция. Живая, сбивчивая, многослойная. Кулиш впервые по-настоящему рассказал мне не сценарий, а того человека, чье лицо мне предложила неожиданность. А я-то думал, что знал Циолковского! Заблуждение многих, чья «начитанность» зиждется на ЖЗЛ. В общеобразовательном представлении Циолковский лишь гениальный изобретатель-самоучка. Но после того как я погрузился в архивы, бережно перелистывая пожелтевшие калужские брошюры с грифом «Издание автора», передо мной предстал великий мыслитель — основатель принципиально новой, космической философии. Когда-то юноша Циолковский познакомился с философией-идеалистом Н. Федоровым, смотрителем Румянцевской библиотеки. Федоровым восхищались Толстой и Достоевский. Федоров считал, что человечество, раздираемое кровавыми войнами, может осознать свое внутреннее единство, только сплотившись на основе общего дела. Ничто так не сплачивает самых разных людей, как чувство общего врага. И такой общий враг есть у всех людей, независимо от их национальностей, от их вероисповеданий, — это смерть.

Федоров шел дальше геронтологии. Он мечтал о времени, когда не только мы, живущие, будем бессмертны, но когда наука сможет воскресить наших далеких предков.

Кому не хотелось бы позавтракать с Платоном, пообедать с Леонардо да Винчи, поужинать с Пушкиным? Несбыточно? Но наука находит

ся еще в младенческом состоянии и сама не знает своих возможностей. Ведь еще не так давно, когда на съезде писателей в 1954 году Довженко говорил о том, что отец космонавта, теряя своего сына в космосе, будет страдать, а не «преодолевать страдания», многие в зале смеялись. А ведь в это время уже готовились к полету в космос. Циолковский поверил в послеполезавтрашнюю возможность осуществления идей Федорова.

Циолковский был реалист: он задумался над вопросом, где же будет жить род человеческий — ведь на земном шаре и без этого все теснее и теснее. И Циолковский поднял глаза к звездам, к мировой бесконечности. Принцип ракеты был изобретен за много веков до него, но он был первым, кто соединил два понятия: ракета и космос. И Циолковский начал работать на завтра и после-завтра во имя послеполезавтрашнего. Моральная победа Циолковского над временем была в том, что, ни разу не летавший даже на аэроплане, он предугадал психологические изменения во взгляде людей на Землю, когда они увидят ее из космоса.

«Лицом к лицу лица не увидать». Красота и беззащитность Земли, противоестественность разрушительных войн, отвратительность любых видов эксплуатации, бесчеловечность отношений человека к человеку, разорение природы на нашей маленькой удивительной планете — вот что предстанет перед человечеством, овладевшим космосом, и в конце концов приведет людей к бессмысленным раздорам к единству. Сейчас в космосе побывали человек сто, завтра — тысячи, а после-завтра — это будут миллионы, заселяющие неизвестные галактики, и величие Земли, ставшей стартовой площадкой этого невиданного взлета, не уменьшится, а еще более возрастет в глазах благодарных потомков. Земля навсегда станет памятником этого старта. Космическая философия, одним из главных создателей которой явился Циолковский, будет достоянием всех, и самая его главная слава еще впереди.

Вот каким раскрылся передо мной человек, роль которого мне предстояло сыграть. Но как сыграть человека, который гораздо выше меня самого? Выпрыгнуть из самого себя? «Притвориться» Циолковским? «Не играть... Будь самим собой...», — говорил Кулиш. Легко сказать, а ведь это самая трудная задача — быть самим собой. Кроме того, я сам — это еще не Циолковский. Может быть, режиссер не прав? Нет, он был прав. Быть самим собой — это означает избавиться от всего наносного в себе, выволочь из самого себя только все лучшее. Мы, очистившись от всего того, что не мы, только тогда и приближаемся к великому. «Мне не надо, чтобы ты произносил слова Циолковского... Мне надо, чтобы ты их думал...», — резко вколачивал в

меня Кулиш. Может быть, он меня толкал на потерю моей собственной личности? Нет. Прикосновение к другой, любимой, и даже саморазрушение в ней никогда не потеря, а обретение самого себя. Чем дальше от себя, ежедневного, забытого, тем ближе к себе истинному. Чем ближе к себе истинному — тем ближе к тому, кого любишь. А Циолковского я полюбил, и уже навсегда.

Фильм закончен, не мне быть его судьей. Уверен, что о Циолковском будет еще много книг и фильмов, и, надеюсь, лучших, чем наш. Но это слово «наш» для меня святое, потому что за ним стоят люди, делавшие этот фильм, которых я навсегда полюбил. Оператор Климов, на мой взгляд, создал замечательные по живописи кадры.

Художник — постановщик Владимир Аронин, художник по костюмам Татьяна Вадецкая сделали все, чтобы воскресить тогдашнюю эпоху. Музыка Олега Каравайчука ненавязчиво придает экрану дополнительное внутреннее свечение. Закадровый голос Сергея Бондарчука является как бы маленьким символом его огромной руководительской помощи нам в процессе всей работы.

Теперь об актерах. Я открыл для себя, что самое страшное в их работе — это ждать. Ты одет, загримирован, тебе предстоит напряженная сцена, а свет еще не поставили, или «заела» камера, или что-то потерялось из реквизита. А когда, наконец, наступает момент магического слова «мотор», ты должен молниеносно вывести себя из расколотости, разобранности, превратить зачехленную тину ожидания в артезианскую чистую струю. Готовность к немедленной концентрации — одно из самых главных слагаемых таланта актера кино. Но у профессиональных актеров концентрация должна быть многопереклюкаемая, так как они мечутся между разными городами, театрами, кино и телестудиями на автомашинах, в поездах, самолетах, рискуя опоздать и там, и там. Говорят, что актеры много пьют. По-моему, не больше, чем, скажем, бухгалтеры. Но если бухгалтер Иван Иванович Иванов выдует цистерну, то это вряд ли кто-нибудь заметит, за исключением его жены, в худшем или лучшем случае милиции или месткома. А крошечная рюмка в руках актера со знаменитым лицом в обывательских сплетнях немедленно вырастет до цистерны. Обыватели видят актеров лишь на экранах и в ресторанах. А процесс их работы остается невидимым.

Актеры, с которыми выпало счастье работать, — это настоящие русские интеллигенты-труженики. Замечательные читатели. В их руках я видел то «Осень патриарха» Маркеса, то «Домой возврата нет» Вулфа, то перепищу Блока, то стихи Ахматовой или Мандельштама. Лариса Кадочникова в роли

жены Циолковского была для меня неоценимым другом, всегда увлекавшим меня своим талантом сконцентрироваться в любой момент. Во время сцены проклятия, когда над ее головой, как сумасшедшие, летали ракеты, она немножко испугалась, но в то же время прокляла меня с такой силой, что у меня мурашки забегали по коже. Тончайше сыграл Альберт Филозов, этот еще не оцененный нашей критикой актер суперкласса. Его Панин, калужский аптекарь, любящий Циолковского, втайне завидующий ему и любовно боящийся за него, сочетающий в себе черты мечтательности и конформизма, стремления к маленьким радостям жизни и отчаянья, — поразительно живо наполненный страданием образ. Никогда не забуду потрясение меня слезы Филозова, вырвавшиеся у него во время одного из диалогов.

Кирилл Арбузов провел мучительную роль сына Циолковского на уровне психологического раскрытия героев Достоевского. Один из старейших ленинградских актеров Владимир Владимирович Эренберг создал образ попечителя с подлинным петербургским блеском. Вадим Александров пронзительно сыграл портного — крохотного, беззащитного мятенника с крыльями из мешковины. Снявшись впервые в кино студентка ВГИКа Лена Финогеева поразила меня редкой душевной избирательностью в роли дочери Циолковского. Обещающе сыграл другой студент ВГИКа — Сережа Насибов. Убедительно, достойно вел роль священника И. Унгурияну.

Не повезло по сценарию одному из лучших советских актеров Георгию Буркову, но он сумел не раз так блеснуть хищным купеческим взглядом, что мне становилось не по себе. Я вовсе не хочу впасть в предварительную рекламу фильма, в котором я работал, а хочу лишь выразить мою личную радость работать с такими актерами. Это же относится и к радости человеческого знакомства со всей группой — у меня стало больше друзей на 80 человек. А с Кулишом было несколько по-иному: открыл творца, друга. И оказалось, что друг, который моложе тебя, может быть учителем.

Группе постоянно помогали один из ведущих специалистов по ракетодинамике и «циолковскому» профессору Космодемьянский и директор Дома-музея Циолковского, внук великого ученого А. В. Костин, другие потомки Циолковского. Без их участия картина попросту бы не состоялась. Особенное волнение мы испытывали, когда в маленьком просмотровом зале «Мосфильма» показывали фильм героям-космонавтам Г. Береговому и В. Севастьянову. Моральная поддержка нашего фильма людьми, являющимися воплощениями идей Циолковского, была для нас самой главной радостью.

Конечно, для всех нас, участников фильма, большая честь представить нашу работу на Московском международном кинофестивале. Мы надеемся, что идеи Циолковского не оставят равнодушными сердца многонациональных зрителей, ибо эти идеи утверждают мир в мире и бессмертные человечества. Я лично надеюсь, что среди зрителей будет и Всеволод Ларионов.

Этот фестиваль особый — он будет проходить под знаком 60-летия советского кинематографа. В стране, где были созданы такие фильмы, как «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», быть кинематографом — это большая гражданская ответственность.

«Из зала прыгнуть в полотно...» в конечном счете невозможно... Но если это случилось, то как из экрана прыгнуть в зал? Как войти в души зрителей и стать частью их борьбы, страданий и надежд? Этого нельзя предугадать. Ответ на это даст только сама жизнь.